

Фонари у университетских ворот отбрасывали ровный свет на пустую мостовую, лишь изредка прорезаемый фарами проезжавших машин. Улица погрузилась в глубокую ночную тишину.

Чэн Вэй смотрел на Ли Цинъюя не мигая. Его пронизательный, тёмный взгляд казался почти осязаемым.

Атмосфера накалилась до предела. Сердце Цинъюя замерло, а затем отчаянно забилося где-то у самого горла.

Лечащий врач предупреждал его: из-за слишком поздней вторичной дифференциации организм сформировался необычно, и его феромоны выражены несравнимо слабее, чем у обычных людей. К тому же прямо сейчас Цинъюй был абсолютно уверен — он не пролил ни единой капли своих феромонов.

Откуда же Чэн Вэй узнал?

Сбежать от ответа — стыдно, зато надёжно. Первым порывом Цинъюя было всё отрицать. Но, встретившись с этим пристальным, насквозь видящим взглядом, он понял: глухая защита бесполезна.

Сделав глубокий вдох и пытаясь взять себя в руки, он тихо спросил:

— Это... доктор Бай вам сказала?

Ещё в больнице, когда выяснилось, что Бай Фань и Чэн Вэй знакомы, его подспудно терзала эта тревога.

Чэн Вэй отрицательно качнул головой. В прошлый раз он действительно пытался расспросить её о состоянии Цинъюя, но врачебная этика не позволила ей раскрыть диагноз пациента. Увиливать Чэн Вэю не имело смысла, и Цинъюй поверил.

Загнанный в угол, он спросил прямо:

— И когда вы догадались?

Чэн Вэй слегка прищурился, скрывая в глубине тёмных зрачков целый шторм несказанных эмоций:

— Только что.

Их взгляды скрестились. Ресницы Цинъюя вздрогнули.

— До этого момента я лишь подозревал, — выдержав паузу, спокойно добавил Чэн Вэй. — А

теперь уверен. Значит, той ночью... тем омегой действительно был ты. Верно, Сяо Юй?

В общежитие Ли Цинъюй возвращался в абсолютном оцепенении. Он даже не запомнил, как прошёл мимо обычно разговорчивого дежурного на входе.

Два часа ночи — самое разгорающееся время для студенческой жизни. Сюй Вэйжань, Гу Линь и Ши Яньпин и не думали спать, с жаром что-то обсуждая.

Заметив вошедшего, ребята оборвали разговор и изумленно переглянулись:

— Сяо Юймао? Ты чего так рано?

По идее, участники конкурса с факультета искусств должны были централизованно вернуться только завтра.

Но Цинъюй стоял на пороге бледный как полотно, с абсолютно пустой, отрешённой растерянностью в глазах. Выглядел он так, будто мир вокруг него рухнул.

Вэйжань порывался было соскочить и расспросить его, но Гу Линь вовремя дёрнул друга за край футболки и беззвучно одёрнул. Тот всё понял с полуслова.

Парализованные молчанием, три пары глаз следили за тем, как Цинъюй на автомате взял таз, умылся и залез на свою койку.

За всё это время он не проронил ни звука. Словно заведённый механизм.

Лишь когда плотная шторка над его кроватью окончательно задёрнулась, внизу заговорщически зашептались:

— Что с ним стряслось-то?

— Лица на нём нет. Как будто обухом по голове оглушили.

— Не из-за Чэн Е ли?..

— Да ну, вряд ли.

— Что тут думать! Дело точно в конкурсе!

Перебрав варианты, парни пришли к логичному выводу. Цинъюй среди ночи примчался из соседнего города в таком разобранном состоянии... Конечно, его уровень позволял рассматривать этот провинциальный этап как простую формальность, но в последнее время он

был сам не свой. Всё сходилось: он провалил выступление!

— Чёрт, да ладно...

— Чэн Е сейчас далеко, надо бы его поддержать.

— И что ты скажешь? Полезешь соль на рану сыпать? Мой совет: дадим ему сегодня прийти в себя, а завтра разберёмся по ситуации.

— По рукам.

— Тогда тихо, не шумите, дайте ему поспать.

Ли Цинъюй не слышал, о чём шептались друзья. В его голове не задерживалось ни единое постороннее слово. Снова и снова в ушах эхом отдавался момент, когда Чэн Вэй сорвал с него маску, а вместе с ней — липкий, парализующий страх.

Что делать? Чэн Вэй узнал, что он омега. Узнал, что именно он — тот самый трусливый, незрелый мерзавец, сбежавший наутро после ночи с идеальной совместимостью феромонов!

Расскажет ли он Чэн Е?

И хотя Чэн Вэй пообещал молчать, Цинъюй не мог совладать с нарастающей паникой.

Ведь он сам струсил и сбежал, бросив всё без объяснений. И даже если Чэн Вэй откроет правду брату — какое право Цинъюй имеет его винить?

При мысли о непредсказуемом завтрашнем дне Цинъюя охватила мелкая, неудержимая дрожь. Он забился с головой под одеяло, но даже там не мог согреться, словно провалившись в ледяную бездну.

Ши Яньпин, чья койка примыкала к койке Цинъюя, незаметно вытащил телефон и написал в их общий чат:

[Ши Яньпин, а не подопытный образец]: * «Вам не кажется, что кровать трясётся? У нас тут не землетрясение часом?»*

[Красавчик Вэй]: * «Какое к чёрту землетрясение! Не мешай мне с девчонками переписываться!»*

[Могули]: * «А если...»*

[Могули]: * «...это Ли Цинъюй плачет?»*

[Ши Яньпин, а не подопытный образец]: * «...»*

****[Красавчик Вэй]:** * «...»***

****[Красавчик Вэй]:** * «Да ну этих девчонок! Завтра встану пораньше и сгоняю Сяо Юймао за нормальным завтраком!»***

Проводив Цинъюя до самого входа, Чэн Вэй так и остался стоять у машины, укрывшись в тени деревьев. Он затягивался сигаретой за сигаретой.

Работа давила огромным грузом, и в самые тяжёлые дни он позволял себе курить — иногда по две пачки в день. Но благодаря железной самодисциплине привычка не перерастала в зависимость. Впрочем, табачный дым никогда и не давал ему желанного успокоения.

Единственный раз в жизни, когда он по-настоящему потерял контроль над собой, случился семь лет назад.

В тот год Чэн Е учился в третьем классе средней школы и как-то привёл домой друга.

Чэн Вэй вышел из своей комнаты на шум и смех, доносившиеся из гостиной.

Не успел он сделать и пары шагов, как кто-то сзади налетел на него и крепко обнял за талию:

— Ха! Попался!

Чэн Вэй, который с детства избегал телесных контактов и уж тем более не привык к подобным выходкам со стороны незнакомцев, мгновенно замерел.

Он обернулся. Мальчишка как раз сдёрнул с глаз повязку:

— Чэн... Е... — Окончание имени так и застряло у него в горле.

Мальчик тут же понял, что обознался. В силу возраста он совсем не умел скрывать эмоций и теперь хлопал глазами, растерянно разглядывая незнакомца.

Хотя Чэн Вэй и Чэн Е были родными братьями, люди, знавшие их близко, редко находили внешнее сходство — слишком уж разными росли их характеры. Однако со стороны их лица действительно казались похожими.

И всё же этот мальчишка мгновенно осознал свою ошибку. Наверное, они с Чэн Е были очень близки. Иначе брат не привёл бы его в дом.

Чэн Вэй молча смотрел на него, а тот — на Чэн Вэя.

И Чэн Вэй своими глазами видел, как аккуратные, белые кончики ушей мальчишки стремительно наливаются краской.

Какое стеснительное дитя.

Чэн Вэй только собрался разрядить обстановку, как из глубины дома донёлся голос брата:

— Брат, ты дома? О, знакомься, это мой лучший друг Ли Цинъюй. Цинъюй, а это мой старший брат, Чэн Вэй.

— Здравствуйте, брат Чэн Вэй, — пролепетал тот. У Ли Цинъюя было очень красивое лицо, а голос звучал так мягко и нежно, словно у крошечного, пугливого зверька.

В тот момент Чэн Вэй впервые почувствовал, как в его груди тихонько кольнуло нечто незнакомое.

... В час ночи Чэн Вэй только-только закончил часовую видеоконференцию.

Хотя он всё ещё учился в университете, его уже вовсю привлекали к управлению семейным бизнесом. Дедушка планировал через пару лет окончательно отойти от дел и передать корпорацию старшему внуку. Добавьте к этому обязанности председателя студенческого совета — и его обычный день заканчивался около трёх часов ночи.

Он поднялся, собираясь принять душ, как вдруг уловил шаги за дверью и беззаботный смех Чэн Е.

Поздний час, а они всё не спят?

Чэн Вэй понимал, что для студентов подобный режим — обычное дело, но сам не одобрял ночных посиделок. И хотя на этаже располагались только их с братом комнаты да спальня гостящего Ли Цинъюя, шуметь посреди ночи было непедagogично.

Но стоило ему открыть дверь, как в него едва не врезался человек. Мальчик поднял голову, явив очаровательное лицо.

В левой руке Ли Цинъюй держал блюдо с нарезанными фруктами, а в правой — стакан теплого молока:

— Брат Чэн Вэй, это вам.

Чэн Вэй на мгновение застыл.

Цинъюй прикусил губу, словно смущаясь собственной смелости, но проговорил очень искренне:

— Чэн Е сказал, что вы сильно устаёте. Мы тут нарезали фруктов и подумали... вдруг вы голодны? А молоко я подогрел в микроволновке — перед сном полезно, лучше спать будете.

Прошло несколько секунд, прежде чем Чэн Вэй смог вернуть себе дар речи. Голос прозвучал непривычно глухо:

— Спасибо.

Цинъюй просиял чистой, светлой улыбкой:

— Не за что!

Сколько Чэн Вэй себя помнил, окружающие воспринимали его трудоголизм и жертвенность как должное. Включая его самого.

И в эту самую минуту кто-то посторонний беспрепятственно шагнул в его мир и просто сказал: «Вы сильно устаёте».

В душе зашевелилось нечто совершенно новое. Странное, но не вызывающее ни малейшего отторжения.

Чэн Вэй был старше брата на семь лет, и вне дома их пути практически не пересекались. Но с того дня он, сам от себя не ожидая, стал исподволь следить за жизнью Чэн Е.

Брат жил в общежитии, но на выходные неизменно возвращался домой — и каждый раз приводил с собой Цинъюя. Они вместе играли в приставку в гостиной, вместе делали уроки.

С поступлением в старшую школу нагрузка возросла, и свободного времени стало меньше. Ли Цинъюй теперь появлялся не каждую неделю, а от силы раз в месяц. Но их дружба с Чэн Е оставалась такой же крепкой.

Чэн Вэй подметил: вопреки броской внешности, Цинъюй оказался удивительно скромным и застенчивым. В нём чувствовалась робкая мягкость, которая располагала к себе. Зато рядом с Чэн Е он сбрасывал все маски — смеялся во весь голос, дурачился и шумно спорил.

И Чэн Вэй, к собственному затаённому страху, начал испытывать к брату смутную, темную зависть.

Осознание этого чувства заставило его насторожиться.

Окончив университет, Чэн Вэй уехал на стажировку за границу. Следующая их встреча с Ли Цинъюем состоялась лишь год спустя.

Семья целый месяц готовилась к юбилею бабушки. Мать без конца тараторила о том, что Чэн Е переходит в выпускной класс, а Чэн Вэй слушал её лишь вполуху.

И вдруг, повинуясь внезапному порыву, он спросил:

— А тот мальчик... всё ещё дружит с А-Е?

— Ты про Цинъюя? Конечно! Скоро прибежать должен. Ой, с ними прямо комедия: сидят за книгами днями и ночами, вбила себе молодежь в голову цель — поступить в Университет А! Кто бы мог подумать, что наш сорванец рядом с Цинъюем так за учебу возьмется. Золотой ребенок... Эх, родился бы он омегой — ценности бы ему не было!

Да. В доме Чэн Ли Цинъюя любили абсолютно все. И будь он омегой, старшее поколение с радостью благословило бы его союз с Чэн Е.

В отличие от Чэн Вэя, от Чэн Е семья никогда ничего не требовала. Его окружили любовью и не давили ожиданиями. И в выборе спутника жизни младший сын обладал полной свободой.

В конце концов, одного первенца, пожертвовавшего всем ради клана, семье вполне хватало.

Система воспитания Чэн Вэя не имела ничего общего с той безусловной любовью, достававшейся Чэн Е. Едва отняв от груди, бабушка забрал старшего внука под своё личное руководство. Положение обязывало: строгий тон, выправка, безупречные манеры, высшие баллы...

Чэн Вэй с малых лет осознавал, что лишен права выбора. Даже его будущий брак принадлежал семье: наследник рода Чэн обязан взять в жены омегу с высочайшим уровнем совпадения феромонов. И абсолютно неважно, вспыхнет ли между ними любовь.

Но он не роптал. Так жили все первенцы их рода. В этом мире ничего не даётся даром: сколько ты отдашь, столько и получишь взамен.

— Цинъюй всё ещё не дифференцировался? — уточнил Чэн Вэй.

Мать тоже с легким замешательством качнула головой:

— Представляешь, нет. Впрочем, если вспомнить, скольких лишений ему стоило детство, удивляться не приходится.

Обычно вторичная дифференциация завершалась ещё в средней школе, лишь изредка затягиваясь из-за слабого здоровья до совершеннолетия. Ли Цинъюй рос в деревне с бабушкой, перенёс немало нужды и в детстве был совсем щуплым. Лишь за последние пару лет он наконец окреп и вытянулся.

В этот момент со двора донёсся звонкий голос:

— Мам, я дома!

Госпожа Чэн сияя побежала встречать любимого сына.

Чэн Вэй скользнул взглядом мимо брата и остановился на Ли Цинъюе.

Тот заметно повзрослел: стал выше, кожа посветлела, а черты лица обрели ту особую, яркую утончённость, от которой трудно отвести глаз.

Замкнутый в сине-белую школьную форму, с рюкзаком за плечами, он вежливо поклонился:

— Тётушка, здравствуйте. Извините за беспокойство.

Затем его взгляд сместился, их глаза встретились. На губах юноши расцвела смущённая, но теперь слегка отстранённая улыбка:

— Здравствуйте, брат Чэн Вэй.

<http://bllate.org/book/20116/1991904>